

ЯКОВЛЕВ Лев Сергеевич / Lev YAKOVLEV

| Имперский соблазн |

ЯКОВЛЕВ Лев Сергеевич / Lev YAKOVLEV

Россия, Саратов.  
 Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.  
 Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина.

Russia, Saratov.  
 Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russia.  
 Volga Institute of Management named after P. A. Stolypin.



## ИМПЕРСКИЙ СОБЛАЗН

Имперская идея осмысливается сегодня как возможная основа национальной идеологии. Это обусловлено историко-культурной динамикой самоидентификации российского социума. Российская государственность на протяжении ряда столетий эволюционировала именно как имперская; дискурсы национального самосознания конструировались вокруг мессианских идей. В российском дискурсе имперской идеи «Укус ангела» Крусанова выполняет роль линзы, фокусирующей, не тривиальным образом, угол зрения на проблему. Этот текст представляет собой своеобразную реакцию на осмысление имперских практик как способов рациональной организации политического пространства. В действительности, империи создают собственные модели рациональности, системы ценностей и критериев оценки социальных взаимодействий и культурных форм. Постмодернистская деконструкция разрушает обоснования не только абсолютной, надчеловеческой ценности империи, не только критику имперского принципа, исходит она из демократической идеи, национализма, или доктрины прав человека, но и осмысления практик индивидуального, коллективного бытия в имперских пространствах. В то же время, текст Крусанова выходит за рамки постмодернистского подхода, предлагая интерпретацию имперских практик как порождающих не только жесткие иерархии но и пути в хаос.

**Ключевые слова:** идея империи, социокультурное пространство, политическое пространство, культурная стилистика, самоидентификация, постмодернизм, жизненные смыслы, хаос

## An Imperial Temptation

The imperial idea conceptualized today as the possible basis of a national ideology. This is due to the historical and cultural dynamics of the identity of Russian society. As Russian statehood, over the centuries, evolved as an empire, discourses about national identity were constructed around messianic ideas. In the discourse of the Russian imperial idea, P. Krusanov's "Angel Bite" acts as a significant lens that focused its perspective on the issue. This text is a kind of response to the interpretation of imperial practices, as a rational organization of political space. In fact, the empire create its own models of rationality, values, and criteria for the evaluation of social interactions and cultural forms. Not only does post-modern deconstruction destroy the absolute justification and superhuman values of the empire or merely criticize the imperial principle. it goes beyond the democratic idea, nationalism and the doctrine of human rights, but also the understanding practices of individual and collective life in imperial spaces. At the same time, the Krusanov text goes beyond the post-modern approach, offering an interpretation of imperial practices, such as generating not only a rigid hierarchy, but also the paths of chaos.

**Key words:** the idea of empire, sociocultural space, political space, cultural style, self-identification, postmodernism, vital meanings, chaos

Имперская идея осмысливается сегодня как возможная основа национальной идеологии<sup>1</sup>. Тому есть вполне очевидные

<sup>1</sup> См.: Алексеев В. В. Национальная идея России: поиски и обретение // Уральский исторический вестник. 2011. № 2. С. 17–25; Исаев И. А. Идея империи: миф и реальность // История государства и права. 2012. № 19. С. 2–7; Храмов А. В. От традиционной российской империи к модернизированной // Федерализм. 2011. № 4 (64). С. 211–214; Евлампиев И. И. Возвращение империи (о книге: Владимир Кантор. Санкт-Петербург: российская империя против российского хаоса. к проблеме имперского сознания в России. М.: Проспэн, 2007; 2009. 542 с.) // Соловьевские исследования. 2011. № 1. С. 136–144; Смолин М. Б. Самобытность идеала русской государственной власти // Власть. 2012. № 7. С. 16–18; Богомолов С. А. Империя: исторический тип или современная форма государства? // Юридическая мысль. 2011. № 3. С. 5–14; Уортман Р. "Целостность" государства в репрезентации российской империи // Ab imperio. 2011. № 2. С. 20–45.

основания: статус России как великой державы всегда предполагал именно имперский характер российской государственности, а потеря этого статуса воспринимается многими очень болезненно. Кроме того, нашему народу несколько столетий не предлагали никаких общих идей, кроме мессианских, шла ли речь о «Третьем Риме», верховенстве России в Священном союзе, панславизме, евразийстве, или торжестве дела коммунизма во всем мире<sup>2</sup>.

<sup>2</sup> Сиземская И. Н. Идеи национального мессианизма: ловушки и позитивные основания историософской рефлексии // NB: Философские исследования. 2013. № 6. С. 388–421; Сендеров В. А. Национализм и глобальные идеологии // Вопросы философии. 2012. № 6. С. 149–158; Хренов Н. А. Л. Н. Гумилев и противоречия в культурной идентичности // Культура и искусство. 2012. № 6. С. 7–17; Суханов В. В. Культурная идентичность как основа формирования государства //



ЯКОВЛЕВ Лев Сергеевич / Lev YAKOVLEV

| Имперский соблазн |

В сегодняшней российской культурной и политической жизни принято связывать артикуляцию имперской идеи с именами А. Дугина, С. Кургиняна, А. Проханова, А. Савельева<sup>3</sup>. Мне представляется более перспективным обратиться к книге, вышедшей более десяти лет назад, и ни в коей мере не представлявшей собой политического манифеста.

Впрочем, судя по читательским отзывам, многие именно так ее и восприняли<sup>4</sup>. «Вместе с такими писателями-фундаменталистами, как Александр Секацкий, Сергей Носов, Наль Подольский, Сергей Коровин и Владимир Рекшан, Крусанов представляет проект «Незримая империя»... Этот талантливый писатель создает не просто тексты, — он строит Империи; каждая смелая, острая мысль сродни «духовной ядерной бомбе», каждая линия сюжета складывается в целостную картину мистериального действия», читаем на форуме «Идеология»<sup>5</sup>. В том же духе представлена и аннотация на Либруске (краденый фрагмент, без указания автора, из рецензии Л. Данилкина, полный текст которой содержит изложение несколько иной позиции): «агрессивная литературно-военная доктрина, программа культурной реконкисты, основанная на пренебрежении всеми традиционными западными ценностями... Унижение Европы для русской словесности беспрецедентное...»<sup>6</sup>.

Парадокс, побуждающий задуматься о глубинных основаниях авторской позиции. Разумеется, П. Крусанов (а речь идет о его «Укусе ангела») в пропагандисты империи, в духе перечисленных выше, и других, иже с ними, популярных авторов в жанре альтернативной истории, никак зачислен быть не может. Однако, есть у него еще книга, публицистического плана, «Действующая модель ада» (издана в конце 2004 года в петербургском издательстве «Астрель» как сценарий к блоку документальных фильмов), и вот там можно найти, не панегирики имперскому величию, конечно, но вполне традиционное, добротное, в духе Гоббса, оправдание «твердой руки» с отсылком к террористической угрозе и этнополитическим конфликтам.

К этому мы еще вернемся; что касается «Укуса ангела», источник заблуждений в отношении этой книги предельно

очевиден. Читатель, не всякий, конечно, а способный находить удовольствие в плотном, метафоричном языке, обретает будто бы поэтизированный образ «восхождения государя». На самом деле, у Крусанова просто все поэтично, все, что он видит, и смерть, и тление, и, заодно, власть. Как замечает (для него, впрочем, это кажется упреком) Дм. Скирюк, «не знаю, что сказать про книгу, которая настолько самодостаточна, что ей даже не требуется читатель»<sup>7</sup>. Впрочем, и Людмила Сараскина, кажется, всерьез пишет: «являются ли сочинения [Крусанова и Секацкого] диагнозом сегодняшнего состояния умов и грозным предупреждением (чем и должна заниматься настоящая литература), или же их совокупные художественные усилия — коварный технологический прием, эзотерическая инициация тексты, и сочинители — это те самые посланцы хаоса, который и впрямь расширяет свое влияние, прививает вкус к смещенной реальности и возвещает о приходе в мир демонов»<sup>8</sup>. Неловко говорить вслух, но отсюда — полшага до того, чтобы сказать, будто этот текст о чем-то, происходящем на самом деле.

Вчитайся обалдевшие от такой поэзии читатели внимательнее, увидели бы, что в книге, точно так же, как солдаты империи, романтизированы (в отличие, кстати, от «Действующей модели ада») и боевики. Юный моджахед, бестрепетно принимающий свою гибель после неудачной попытки покушения, не на императора, еще, на героя в начале восхождения, еще не знающего своей участи, выписан столь же трепетно в своей вере, гордости, мужестве.

В предыстории «Укуса», повести «Сим победиши»<sup>9</sup>, градус поэзии еще выше, а там повода для сопереживания поступкам героев куда меньше; персонажи «Укуса» хотя бы более человечны в своих страстях. Впрочем, там П. Крусанов иронию включает с первых строк: «До того, как она прослыла Надеждой Мира, во времена медленные и молодые, ее звали Клюква. Она родилась в год трех знамений: тогда солнце и горячий ветер сожгли великую евразийскую степь, а на другой щеке глобуса, в Бразилии и Колумбии, снежные ураганы уничтожили плантации кофе». Вот так, ни много, ни мало; слышали бы это тысячи, что пойдут за ней, слившись в армию, дорогу которой станет прокладывать огненное колесо... Не зря ведь Иосиф Джугашвили счел, что вождю подобает иное имя.

Тем не менее, стиль остается стилем. Мир, этому стилю адекватный, часто отождествляют с предстоящим в поэзии скальдов. И совершенно напрасно. Висы они слагали, само собой, о битвах и великих героях, о чем же еще? Но представлять себе эпоху викингов, как некое тотальное поле битвы, над которым кружат вороны, наивно. Плотность времени была иной. В походы ходили раз в году, и, прежде, чем добраться до того самого поля битвы, надо было пересечь, не то, чтобы океан, Датское море, или нечто ему подобное, но попробуйте это сделать на драккаре<sup>10</sup>. Так что поход состоял, в основном, из многоне-

Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 11.

<sup>3</sup> Империя создает имперский этнос // youtube. <https://www.youtube.com/watch?v=Jqs92hlWZXY>; Евразийская империя или Республика Русь? // youtube. [https://www.youtube.com/watch?v=\\_KMM-j7SHI](https://www.youtube.com/watch?v=_KMM-j7SHI); Солдат империи. Александр Проханов // youtube. <https://www.youtube.com/watch?v=F0apSlvkP0g>; Империи цивилизации // youtube. <https://www.youtube.com/watch?v=-GSSgXfzizY>; Присоединить Европу — это по-русски! (Александр Дугин) // youtube. <https://www.youtube.com/watch?v=RDV57Mwsayk>; Александр Дугин — Закономерное легитимное насилие // youtube. <https://www.youtube.com/watch?v=xR89T0R9kBU>; Кургинян С: Империи и вирус псевдонационализма // youtube. <https://www.youtube.com/watch?v=vGk9OB1UkG8>

<sup>4</sup> Отзывы читателей о книге «Укус ангела» // Павел Крусанов. Укус ангела. Лаборатория фантастики. <http://fantlab.ru/work28208>; П. Крусанов. Укус ангела // В топку. ру. <http://vtopku.ru/node/210> Павел Крусанов. Укус ангела Отзывы пользователей: // FictionBook. lib. [http://fictionbook.ru/author/krusanov\\_pavel/ukus\\_angela/](http://fictionbook.ru/author/krusanov_pavel/ukus_angela/)

<sup>5</sup> Павел Крусанов. Укус ангела, имперская идея питерского фундамента листа // Идеология. <http://prediger.ru/forum/index.php?showtopic=4612>

<sup>6</sup> Аннотация. Укус ангела. // Либрусек. Главная. Книги. <http://lib.rus.ec/b/190930> Ср.: Данилкин Л. Укус ангела. П. Крусанов. // Afisha. ru <http://www.afisha.ru/book/28/review/144968/>

<sup>7</sup> Скирюк Дм. Рецензия. Павел Крусанов, «Укус Ангела» // Лаборатория фантастики. <http://fantlab.ru/article238>

<sup>8</sup> Сараскина Л. . Активисты хаоса в режиме action. // «Литературная газета», 2002, № 8, 27 февраля — 5 марта.

<sup>9</sup> Опубликована: Крусанов П. Сим победиши // Октябрь. 1998. № 12. Выходила в сборнике «Бессмертник». В дальнейшем включена, как глава, в состав романа «Укус ангела».

<sup>10</sup> См.: Симпсон Ж. Викинги. Быт, религия, культура. М.: Центрполиграф, 2005; Корабельный инструмент. // Энциклопедия «Метал-



ЯКОВЛЕВ Лев Сергеевич / Lev YAKOVLEV

| Имперский соблазн |

дельного монотонного труда на веслах. Понятно, что битва воспринималась, как праздник.

Так что мне, скорее, вспоминается другой, вполне фантастический, текст — «Юбилей» Л. Прозорова, где, в альтернативном нашему миру, фашистскую Германию возглавляет не Гитлер, ставший здесь художником-портретистом, а барон Унгерн, похожий на пророка богини Кали. «Фюрер стоял на трибуне опустевшего Мавзолея, над панелью со сбитыми буквами, глядя чуть выше рядов пилотов, кепи, стальных шлемов, и держал левую руку на лежавшей на парашюте отрубленной — собственноручно, по старой привычке — голове великого врага... парад отсняли на киноплёнку, обошедшую полмира — и конечно, стада двуногих со скотским любопытством валили посмотреть на шикарное зрелище, не подозревая, что разглядывают смертный приговор всему их болотному миру, а для двух третей — и тому жалкому копошению, которое они по глупости считали жизнью. Впрочем, снимали не для них — для тех немногих, кто был способен услышать звучащий в картине Зов»<sup>11</sup>. Еще одна метафора. Такая же, как «Укус ангела».

Главный герой этой книги, а по сути, в композиционном и смысловом планах, протагонист, рождается при обстоятельствах вполне фантастических. Жизнь, начало которой кладет латентное самоубийство отца, и вполне реальное — матери, не может не быть символом: она либо проклята изначально, либо чему-то суждена. Собственно, об этом мы и узнаем из книги.

Совсем вначале, правда, была поэзия очень чистой воды. «Человек, поцеловавший Джан Третью в губы, назвался Никитой. У него были щегольские усы с подкрученными кверху жалами и шитые золотом погоны на парадном фисташковом мундире... Джан, как и все подростки, мнящие себя опытнее собственной невинности, была довольно вульгарна, но все же мила и опрятна» («чисто ходит», нахваливает свою протеже один из бунинских героев, «подкладывая» барину крестьянскую девушку). Это — папа и мама будущего властителя мира. Им и в самом деле, надо вовремя успеть умереть, не вяжется замешанная на сумасшедшинке любовь с «великими делами».

Попросту говоря, у таких людей, как они, есть изначальное знание, развещающее любую власть. Знание, не выраженное в словах, глубоко эгоистичное в своей основе. Мир создан для любви, все, что ей мешают — лишнее. Даже дети, кстати: Джан выбирает смерть, уходит за мужем, но ведь оставляет, при этом, малолетних детей — не то, чтобы на улице, мужниной родне, но, скажем так, материнское чувство тут отнюдь не гипертрофировано. Ну, и совсем некстати: «Позже молва, не ведая обычаев старого Китая, где детей простолоудинов, дабы избежать путаницы, называли порядковым числительным, возвела ее в знатный род и пожаловала в предки Сунь-Цзы вместе с его трактатом о военном искусстве. В действительности отец Третьей был черной кости — он владел рыбной лавкой на окраине Хабаровска». Решительно невозможно строить империи с этакой биографией.

лургия и время». URL: <http://www.metalspace.ru/viking/korabelnyj-instrument.html>; Роэсдал Э. Мир викингов. URL: [http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/49377/Roesdal'\\_Mir\\_vikingov\\_\(sillyustraciayami\).html](http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/49377/Roesdal'_Mir_vikingov_(sillyustraciayami).html)

<sup>11</sup> Прозоров Л. Юбилей // Священная война. М., Яуза, Эксмо. 2008.

Есть легенда, одна из полудюжины, сотворивших европейскую культурную традицию. О мальчике, «нашедшем приют у бедных», Зимнем короле, ждущем своего часа. Надо окунуться в толщу народной правды жизни, узнать, какой силой, вопреки чему люди живут, чтобы потом воздвигнуть Камелот. Но мальчик — сын Утера. Детеныш дракона<sup>12</sup>. Совсем иное дело — герой Крусанова. Дедушка из рыбной лавки способен погубить любую репутацию, и потому он тоже лишней: «голод — беда малая, а попрание целомудрия — хуже смерти. Поэтому отец Джан Третьей, узнав, что его пятнадцатилетняя дочь ушла из дома к русскому офицеру, мастерски перерезал себе горло тесаком для разделки рыбы. Соседи говорили, будто он, уже мертвый, с головой отсеченной до позвоночника, продолжал грызть землю и кусать камни, покуда рот его не забился мусором». Текст, нарочито отсылающий к «Убийству, о котором все знали заранее» Г. Г. Маркеса, книге о том, как придуманные людьми «нормы» умеют убивать.

Может показаться, Крусанов любит смерть: «и в нее вошло семя мужа, сердце которого уже не билось. Так, подобно Тристану, был зачат Иван Некитаев, прозванный людьми «Чумой»... выносив дитя, зачатое от мертвого, и тем до конца исполнив долг перед едва не оскудевшей фамилией, она вышла майским вечером к озеру, по глади которого молочными завитками стелился туман, и старой косой вскрыла себе яремную жилу. Вместе с кровью из настезь отворенной вены вырвалась и скользнула в воду серебряная улейка». А кто, интересно, и каким образом, может отнять у нас право видеть мир так, как мы способны его видеть? Но и миру совершенно безразлично, какими глазами мы на него смотрим.

Прозвище «Чума» того стоит: вряд ли давшие его задумывались именно о том, что носитель этого имени послужил косвенной причиной трех смертей еще до того, как произнес первое слово, но мы-то знаем. И знаем, что дальше уже не в роке дело. Герою еще не исполнилось семи, когда «заметили за Иваном странное бесчувствие к чужой жизни... По природе безотчетной детской жестокости, воследовавшей кары ребенок не понял — так можно наказывать воду за то, что порою течет, а порой леденеет, и ожидать от нее раскаяния».

В Микенском цикле Олди есть странное, западающее в душу, сравнение Ахилла с водой. Сын Фетиды неуязвим, оружие проходит сквозь его тело, не оставляя следа. По-своему, он тоже страшен, бросающий вызов богам, судьбе, всему человеческому, герой. Олди перекраивают дошедший до нас миф, чтобы получить право на впечатляющую сцену: стрелу в спину Ахилла посылает многомудрый Одиссей, ужаснувшийся, увидев, как, на его глазах, человек становится богом — потому что сам-то хочет вернуться на Итаку, а у богов нет родины<sup>13</sup>. Если верить К. Леви-Строссу, и это, нетрадиционное, прочтение, теперь стало частью мифа. Но речь не об этом. Равно как и не о том, что

<sup>12</sup> Лэнг Э. Легенды о короле Артуре. М.: Эгмонт Россия Лтд., 2000; Комаринец А. А. Энциклопедия короля Артура и рыцарей Круглого Стола. М.: «АСТ», 2001; Эрлихман В. В. Король Артур. М.: «Молодая гвардия», 2009.

<sup>13</sup> Роман «Одиссей, сын Лаэрта», вторая часть трилогии Ахейского цикла. Написана осенью 1999-осенью 2000, издана в 2000–2001 годах. См.: Олди Г. Л. Одиссей, сын Лаэрта. Человек Номоса. М., Эксмо, 2000; Олди Г. Л. Одиссей, сын Лаэрта. Человек Космоса. М., Эксмо, 2001.





ЯКОВЛЕВ Лев Сергеевич / Lev YAKOVLEV

| Имперский соблазн |

прихлебатель и идеолог Ивана Чумы, Петруша Легкоступов, в пропагандистской статейке сравнивает своего патрона именно с Одиссеем. Не с царем царей Агамемноном, не с защитником своего города Гектором, а именно с царем Итаки. Сравнение, конечно, пустое и лживое; сын Лаэрта точно никакими империями управлять не стремился. Вернуться домой — желание, строителям империй неподобающее. И все же, есть в этих подспудных параллелях, практически одновременно написанных книг, некий смысл.

Ахилл Олди тоже чужд раскаяния, и «течет, куда хочет», но я бы предпочел оказаться рядом с ним, нежели с героем Крусанова. «Когда дела у Ивана шли не так, как ему хотелось — властью старших, звавших к обеду или в постель, прерывалась игра или становились упрямыми предметы, — мягкость его уступала место пугающей ярости, страшному детскому нигилизму. Перемена, происходившая с ним в такие минуты, ясно показывала, что будущее его зависит от слепого случая: при удачном стечении обстоятельств он может стать лучшим из людей, но если что-то пойдет не так — на свет явится чудовище». Сыну Фетиды точно ни доля человека, хоть бы и лучшего, ни чудовища, не светила; или богом, или ничем. И в этом — большая разница.

Первая из книг микенского цикла носит очень точное (не в буквальном смысле, разумеется) название: герой должен быть один. А тому, кто самодостаточен в своем одиночестве, никто не мешают. Разумеется, Ахилл оставит позади себя россыпи тел глупцов, заступивших ему дорогу к Олимпу, но никого не погонит на смерть, потому что ему никто не нужен. Или почти никто. «Илиада» начинается сакраментальной фразой: «гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына, но разве это гнев? Иссушающая боль утраты, невозвратной потери друга (ну, наверное, любовника, если не прятать, во имя обозначения своей позиции в современной «войне» вокруг прав геев, знание обычаев Эллады), вот и все. И ничего, как-то выходящего за рамки общепринятого для своего времени и места бытия, Ахилл не совершает. Всего лишь, возвращается в сражение, которое ранее, по обиде на Агамемнона, покинул. А сколько троянцев убил, на то он и герой. Персонаж «Укуса» — дело иное.

Он безнадежно социален, укоренен в общественных связи. По сути, ни разу, пока мы его видим, не остается один. И начинается его эпопея (если не считать ее началом рождение) с инцеста — деяния асоциального лишь на поверхностный взгляд.

Вообще-то, он, как и любовник набоковской Лолиты, мог бы лицемерно посотевать, что его самого соблазнили. Кстати, в отличие от Гумберта, Иван не старше, моложе партнерши. И, разумеется, в этом возрасте три года значат много: «беспечная проказница решила разом поиграть с обоими. Трудно поверить, но в итоге эта злая шалость кровью умыла империю и ввергла народы в бездну такого ужаса, какой вряд ли рассчитывал отыскать на палитре жизни-ада безвредно умствующий предводитель (имеется в виду опекун наших брата с сетрой, местный предводитель дворянства)... ему (Ивану) казалось, что кто-то отменил привычную доньше действительность». Можно найти здесь все опрокидывающую, как и положено в мифе, страсть: «и тогда Тристан увидел Изольду...» Но к чему все это, если «прислуга и местные крестьяне заподозрить неладное могли не иначе, как застав нечестивцев с поличным. Но в этом случае, можно не сомневаться, шестнадцатилетний

Иван Некитаев не остановился бы перед душегубством. Как и во всяком другом случае». Кому хватает зрелости замечать следы, не может сетовать на излишнюю молодость в делах любви. И на любовное безумие тоже.

И вполне естественно, что именно в эти дни он формулирует свои собственные правила отношений с миром. Поддержав под водой, в близлежащем озерке, соперника в любовных делах, пока тот не поймет, как близко смерть, объясняет: «а впредь давай устроим так, — предложил Иван, — я буду делать как захочу, а ты будешь объяснять, почему я поступаю правильно... На него легла тень безумия».

А дальше была война, естественно и неизбежно, потому как, что бы ни говорили имперские идеологи о миролюбии своих вождей, иначе, как в войнах, ни одна империя еще не родилась. «Империя являла волю к постоянству движения, обязательное для своего существования усилие, ибо она, как и любая империя, определено была подобна велосипеду — когда седок перестает крутить педали, все катится в упадок, разложение, развал. И солнце над миром горит, как шапка на воре...». Убежденность в неизбежности перманентных военных конфликтов вообще может полагаться маркером имперской идеологии. О неизбежности войны постоянно говорит А. Проханов<sup>14</sup>, «грядущую войну в Европе» пророчит Томислав Сунич<sup>15</sup>, неизбежность противостояния России и Запада рассматривается в качестве главного аргумента в пользу имперского вектора развития в докладе М. Колерова в Институте динамического консерватизма в Москве<sup>16</sup>.

Мудреного тут мало. Власть должна быть легитимной, а средств к тому не так уж и много. У империи, так вовсе, едва ли не единственное. Потому что, конечно, может легитимизация обеспечиваться за счет монархического принципа, но такой способ оказывается ненадежным во многих отношениях. И, прежде всего, с наибольшей очевидностью, в силу эмансипации самих монархов, если они наследственные.

В империи ведь и государь должен выполнять вполне определенную роль; все, что у него есть по части самостоятельности, это право на перехлест — стать самым грозным завоевателем, самым дотошным правителем, демонстрировать способность жертвовать всем ради империи. А вот, скажем, задуматься о действительно глубоких реформах в пользу населения, или дать волю увлечению искусством никто не позволит. Объявят недееспособным, устроят от власти, убьют. Только, как показывает история, толку мало. Отлучали, заточали, убивали, а они, в смысле, монархи, все равно увиливали от добросовестного исполнения роли. И еще важнее то, что в условиях спокойного существования структуры повседневности начинают, незаметно, вытеснять собою созданные в империи механизмы регулирования социальных взаимодействий. Поэтому империи жизненно необходима цель, дающая обоснование мобилизации усилий населения. А ее проще всего сконструировать при наличии внешнего врага.

<sup>14</sup> Третья мировая война не за горами // Экспресс газета. 2012. 13 июня. № 23 (904).

<sup>15</sup> Сунич Т. Будущее европейских народов // Cytadel. URL: <http://cytadel.org/articles/budushchee-evropejskikh-narodov>

<sup>16</sup> Имперские доводы: почему и куда идет Россия // ИА REX. Oct 29, 2010. <http://www.iarex.ru/articles/10058.html>



ЯКОВЛЕВ Лев Сергеевич / Lev YAKOVLEV

| Имперский соблазн |

«Что Некитаев знал о них? Солнце — чернильница Аллаха. Нуга, халва, шербет. Раджеб, шабан, рамазан, шавваль. Муэдзин кричит с минарета, муфтий толкует шариат и заказывает паломникам кувшинчик воды из Земзема. Михрабы всех мечетей смотрят на Мекку. Шейх читает диван газелей Саади «Тайибат», что значит «Услады», и мечтает искупаться в Кавсере, что (мечта) ничего почти не значит. Фарраш расстилает молитвенный коврик, лифтер Али свершает свой намаз. В чаше Джамшида отражается весь подлунный мир плюс звезда Зухра... Впрочем, это не о них. А вот о них: они нападают ночью и не используют трассеры, чтобы нельзя было засечь стрелка, а горное эхо отечески покрывает их, не давая сориентироваться по звуку. Они грызут гашиш, как сухари, и на спор ловят зубами скорпионов. После рукопожатия с ними можно не досчитаться пальцев. Они берут заложников и воюют, заслоняясь собственным прекрасным полом, который весьма невзрачен. С ними нельзя договориться, потому что у них змеиный, раздвоенный язык и они не помнят клятв. Они оставляют после себя оскопленные трупы пленных, насаженные на шест скальпы и насмерть обваренные в смоле тела имперских солдат...». Снова поэзия, вполне себе лермонтовская, правда, в иной стилистике. Но за ней стоит куда как пошлая проза: все, что надо знать о врагах, это то, что они — другие, а значит, чужие.

Была книга Р. Желязны 1990 года, «Маска Локи»<sup>17</sup>. Тоже — о противостоянии Запада и Востока, причём, в существенной части сюжета, на одной из острейших стадий, в пору натиска войск Салах-ад-Дина на государства крестоносцев в Палестине. Не знаю, с чьей нелегкой руки гуляет по сети удивительная аннотация: «девять столетий странствует по свету в разных ипостасях Хранитель Камня ордена Тамплиеров Томас Амнет — Гарден. И все это время идет по его следу бессмертный и неуязвимый для обычного оружия Горный Старец, Хасан ас — Сабах, основатель и глава ордена ассасинов — убийц. Ведь, разгадав тайну камня и уничтожив его владельца, он сможет получить абсолютную власть над миром»<sup>18</sup>. На Дэна Брауна это похоже, уж никак не на Р. Желязны.

Книга, вообще-то, совсем не о том. Она про тупое, рожденное ограниченностью и неумением мечтать, упрямство крестоносцев, которые, разумеется, будут биты. И про бога Локи, от которого поспешил отречься Запад; про его возвращение. Возвращение, обещающее гибкость, иронию, умение видеть в любых людях не врагов, а партнеров (и, само собой, готовность этих партнеров обманывать). Обещающее совсем иной способ обретать и сохранять свое место в мире, нежели подчинение, или уничтожение, всех, кто на тебя не похож. Собственно, Локи от Желязны — первый идеолог постмодернистской глобализации; возможно, таким он и был, вот и С. Мартынич в книге «Мой Рагнарек» его так рисует. Но под знаменем трикстера, умудрившегося как-то раз настолько войти в женскую роль (вообще-то, кобылью, но ведь он, все-таки, бог человеческий, а

не лошадиный), что родил (или, все-таки, родила?), ни много, ни мало, Слейпнира, коня для Одина<sup>19</sup>, империю не построишь.

И поэтому имперская идея, изначально, ограничена бинарной оппозицией «свои-чужие», как исходным логическим принципом. Вся ее «мудрость» сводится к стратегиям расширения категории «свои», но, при этом, она не может быть расширена так, чтобы чужих совсем не осталось: став подлинно универсальной, империя убивает себя, лишается потенциала не то, чтобы, даже, развития, а равновесия, как велосипед. Если уж часовой механизм, согласно Ламетри, может быть моделью человека, то и велосипед сойдет в качестве модели построенного этим человеком государства.

Представляется, не до конца прав Аллен де Бенуа, утверждающий, что «Империя это изначально не территория, а принцип, идея... [что и] фундаментально разделяет Империю и нацию». Его аргументы касаются практик противостояния гвельфов с гибеллинами, и в этом отношении верны. Но, избрав эту позицию, он оказывается вынужден отказать абсолютному большинству реально существовавших государств имперского типа в подобном именовании, сохраняя его, по сути, только за прямыми наследниками Римской державы<sup>20</sup>. С этой точки зрения, если ей строго следовать, Российской империи тоже не было. Между тем, если для Центральной Европы ситуация «враг у ворот», в смысле наличия эксплицитированной в своей инаковости угрозы, не является типичной, в других регионах дела обстоят иначе.

Вот мы и читаем у Крусанова совершенно издевательски-чуждый диалог:

«— Недавно прочел вашу статью, — сразу же сообщил ухватливый критик, — Называется... как-то по-ратному.

— «Роскошная вещь — война», — осведомленно подсказал князь.

— Совершенно верно. Сильная штука. И написана со вкусом. Скажите, а что вы имели в виду, когда утверждали, будто добро есть не более чем законная апология зла?».

Есть у нас писательница Вера Камша. Пишет прозу, во всяком случае, свидетельствующую об умении видеть мир во всем богатстве красок и перенести эти краски на бумагу (на дисплей, если угодно). И сражается она, уже десять лет, с циклом «Отблески Этерны». Состоит цикл пока из двенадцати завершённых книг и четырех в работе. Обо всем можно спорить, но динамика массива читательских отзывов говорит вполне убедительно: от цикла ждали очень многого; постепенно градус ожиданий падал. «Открываю книгу, начинаю первую главу, бросаю и начинаю перечитывать предыдущую книгу, чтоб вспомнить, кто все эти люди, и что они здесь делают. Потом бросаю и начинаю перечитывать с первой книги, чтоб вспомнить, за что мне так нравилась эта серия. Вспоминаю. Замечательная серия. Была. И бросаю восьмой том, чтоб не портить впечатление от первых. И так третий раз!», пишет Kovaleva. «Тягомотина невероятная.

<sup>17</sup> В русском переводе впервые издана в 1996 году, тиражом 20000 экземпляров. См.: Желязны Р., Томас Т. Маска Локи. М., АСТ., 1996. Неоднократно переиздавалась, включена во все основные собрания сочинений Р. Желязны.

<sup>18</sup> Аннотация. Роджер Желязны, Томас Т. Томас Маска Локи // Лаборатория фантастики. <http://fantlab.ru/work55>

<sup>19</sup> Младшая Эдда. Л.: Наука, 1970. Глава 42; Стурлсон С. Язык поэзии. Sk ldskaparm I. Глава 16. <http://norse.ulver.com/src/snorra/3ru.html>; Lindow, John. Norse Mythology: A Guide to the Gods, Heroes, Rituals, and Beliefs. Oxford University Press, 2001; Simek, Rudolf., Angela Hall. Dictionary of Northern Mythology. D. S. Brewer, 2007.

<sup>20</sup> Бенуа де А. Идея Империи // Cytadel. <http://cyttadel.org/articles/ideya-imperii>



ЯКОВЛЕВ Лев Сергеевич / Lev YAKOVLEV

| Имперский соблазн |

А какая была серия в самом начале...», замечает sharlizette. «Я обожаю первые 3–4 книги (и перечитывала их уже много раз), но далее мне идти совершенно не хочется», резюмирует свой опыт Izabel Altera<sup>21</sup>. Есть отклики и более резкие: «Вначале перед нами был положительный молодой фэнтези-эпик... от него ждали развития и все недостатки спускали ему с рук, потому что он был интересен. Но через пару томов началось какое-то свинство: мир раздулся и стал расплзаться в плохо воспринимаемую кашу. Герои уменьшились... были покрашены по методу «моральной аллергии» на морально-положительных и морально-отрицательных и начали источать какой-то идеологический запах. Короче, началось разложение, недостатки пошли разрастаться, как раковая опухоль, бывшие достоинства как-то запропали («цикл как подменили!», огорчились наиболее чуткие читатели и перестали ему доверять). Но многие еще верили в молодой эпик! Хоть он и раздражал, и портился, нет-нет, да и проблескивало в нем что-то многообещающее — то неожиданная интрига, то яркий второстепенный образ. Читатель кидался от одного к другому с надеждой... Наконец, даже оптимистам стало ясно: в этом цикле — уже не будет. Он безнадежен»<sup>22</sup>.

Безотносительно к тому, что по этому поводу думают сами читатели, очевидно следующее: по мере развертывания эпопеи, многозначные изначально характеры и события стали приобретать все большую одномерность. Стиль описаний красок не утратил, а вот герои становились все больше черно-белыми. И причиной тому болезненный, особенно, для женщины, интерес к войне.

Камша, на десятках и сотнях страниц, иногда мастерски, иногда довольно занудно, описывает морские и сухопутные сражения, с какого-то момента становящиеся самодостаточными. Теперь уже не люди проявляют себя в войне, а война говорит с нами, используя героев книги, которых автор, все в большей мере, судит именно по пригодности к войне.

Война обесценивает, обесмысливает все сущее абсолютно бесцельным путем: разумеется, ничто не вечно, и перед смертью не устоять ни чувствам, ни мыслям, прахом станут все вещи, вобравшие в себя мастерство, талант, творческий поиск, но из этого вовсе не следует, будто единственное необходимое и достаточное изобретение человечества — «глиняный пулемет» из книги В. Пелевина «Чапаев и пустота». Те, кто воображает, будто где-то, за линией огня, останется для них позиция наблюдателя, ничего не понимают ни в смерти, ни в войне. Воистину, роскошная вещь.

В конечном счете, война империям не служит, а использует их, как «пушечное мясо». «Укус ангела» и об этом, в сюжетном плане. Но очевидность и есть очевидность; «увидеть сущее во всех его проявлениях таким, каково оно есть — своего рода самоубийство», пишет Крусанов. А потому сущее надо завуалировать идеями.

Собственно, об идеях в этой книге довольно много написано. Та концепция, которую излагает юному Ивану «старичок»-пламенный, старовер из Керженских скитов, обретавшийся не-

подалеку от летнего лагеря кадетского корпуса, представляет собой классическую ересь манихейского толка в богомильской версии. Есть глубокий смысл в том, что имперская идеология часто выдает себя за согласующуюся с догмами доминирующей религии, но всегда, в действительности, эти догмы искажает. По правде говоря, я сильно сомневаюсь, что и боги, которым ассирийские цари писали донесения о своих походах на сопредельные земли, с массовым истреблением всего живого, на самом деле были именно таковы, какими эти цари их хотели представить. Божество, в которое верит народ, не годится в имперские символы. Не может годиться.

«Царство истое, не оплошное, не иначе родиться может, как от иерогамии, священного брака меж землю и небесами. Жених, помазанник небесный, и есть тайный государь, а невеста — держава земная со всеми ее обитателями. Вот только не всякий раз им повенчаться суждено — много на пути к алтарю терний. А если государь до алтаря дойдет, то через тот священный брак благодать небесная и земле передается. Земля без царя есть вдова... Государя вымолить надо. Сам собою он не родится». Мифы, на самом деле, как доказал К. Леви-Стросс, сплетаются, образуют ризоматическое пространство, в котором образы могут кочевать, надевать маски. Но в этой зыбкости есть и вполне определенные, жесткие структуры. Таковы, с одной стороны, сотерические религии, и, с другой, концептуализации посреднической миссии «царей-жрецов». Подлинная глубинная сущность лежащих в основе этих построений систем ценностей несовместима.

Ни одна религия спасения не обещает «рай на земле», тем более, преобразования в рай «царствия земного». Даже традиционный иудаизм, несущий в себе заметные признаки наследия официальных религий «речных цивилизаций», все же, по крайней мере, пытается это наследие преодолеть, довольно вспомнить историю царя Саула. Вера в спасение — цель, ни в коем случае, не средство.

Впрочем, у Крусанова лживое откровение развенчивается мгновенно, оборачиваясь фарсом. Носитель нездешнего знания, пламенный, заехав за парой ящиков водки для офицеров в сельскую лавку, вступает в полемику с оказавшимися там покупателями. Поминают эрос с танатосом, Фрейда с Юнгом (а «до кучи», и Бахофена), детоубийц Ивана Грозного с Петром Великим, перенесенного из эпохи коллективизации в 1812 год Павлика Морозова. А кончается все это «пиршество духа» сварой по поводу деревенского адюльтера. Иван «видел и чувствовал мир по-новому, но как-то странно — словно ему поведали тайну, а он ее не расслышал». И правильно сделал: имперская идея относится к числу откровений, о которых следует говорить нарочито невнятно, критическое осмысление для них губительно.

А кроме того, размышление вообще излишне там, где созидаются империи. «Твой разум овладел телом... лишил его собственных устремлений. Часть победила целое. И ты еще гордишься этим?», насмехается Некитаев над своим Лепорелло, Петрушей Легкоступовым. Слова тот сплетать умеет, и спорит, но ведь что говорит: «только империя способна на жертву. И в этом, единственно в этом, ее честь и величие... жертва — это объективно ненужное сверхусилие. Что-то вроде Карнака, Царьграда или Петербурга. Это то, чего не может позволить

<sup>21</sup> Отблески Этерны. Отзывы читателей // Либрусек. <http://lib.rus.ec/s/432>

<sup>22</sup> Отзывы читателей о «Отблески Этерны» // Лаборатория фантастики. Вера Камша. <http://fantlab.ru/work3170>





ЯКОВЛЕВ Лев Сергеевич / Lev YAKOVLEV

| Имперский соблазн |

себе народовластие. Это то, что переживет фанеру республики, какую бы великую державу она из себя ни строила. На что претендует государство... Сохранить устои, достигнуть согласия, преумножить благосостояние подданных. Иными словами, оградить власть тех, кто находится у власти, и не допустить к власти всех остальных. Прими как данность тот факт, что только государство обладает монополией на принуждение, раз и навсегда узаконив собственную жестокость. Так есть, государство не может быть иным. Поэтому то, что мы задумали — это не переход от безнравственного к нравственному или от беззакония к правопорядку, это просто схватка одной власти с другой, где исходом будет свобода для победителя и рабство для всех остальных... Убийство и насилие — это существо и душа переворота». Стоило огород городить. Единственный вывод, претендующий на вменяемость, который следует сделать из этого словесного мусора — что «интеллектуалы» в век империй должны уметь очень хорошо восхвалять убийц и мерзавцев, чтобы их не обнесли на раздаче.

В «Укусе ангела» имперская идея явлена в предельно откровенной, бесстыжей наготы: «В общем контуре идея... сводилась к следующему: Император — фигура божественной природы, стоящая посреди подвластной ему сакрализованной вселенной, вселенной-зеркала, в котором не отражается ничего, кроме самого Императора, соли земли и неба. Ни над собой, ни под собой, ни тем более окрест Император не имеет никакого высшего метафизического принципа, с которым он вынужден был бы духовно считаться, а стало быть, он абсолютно свободен и неотделим от Бога. Бог внутри него. Вне его Бога нет. Вокруг существует только отражение Священного Императора. Следовательно, держава его по определению является синонимом рая — ведь она есть овеществленное продолжение его воли, ее «большое тело». Само собой, в реальном воплощении подобное мировоззрение может быть сориентировано только монархически; вместе с тем оно будет тяготеть к пространственному распространению власти монарха через имперскую экспансию, через включение максимального объема вселенского пространства в подчиненную Императору сферу, в сферу отражения его личности, тем самым чудесно преобразя заросли подзаборной крапивы в рай, в область восстановленного первопорядка. Словом, исполать великому делу иерархии».

Читаешь это, и вспоминаешь ключевой кадр фильма «Фрост против Никсона»<sup>23</sup>. Наглый шоумен достал бывшего президента вопросами про Уотергейт, и тот, наконец, говорит правду: он не считает, что глава государства связан законом, если законно избранный представитель нации принимает какое-то решение, значит, это и есть закон. «Господи!», шепчет, глядя на экран, его жена. «Господи», не только потому, что, как понимает и сам Никсон, никто, кроме него, так не думает, но, главное, потому, что он умудрился ляпнуть такое в стране, где, конечно, господствует гражданская религия, и давно стала редкостью религиозная экзальтация, но, все же, половина граждан выросла в семьях, где Библия оставалась настольной книгой. Трудно

<sup>23</sup> Frost/Nixon — историческая драма режиссера Рона Ховарда. Снята в 2008 году по одноименной пьесе Питера Моргана. Фильм посвящен легендарным интервью с Ричардом Никсоном британского журналиста Дэвида Фроста.

не узнать начертанный героем «Укуса ангела» портрет — это портрет антихриста.

Такова начальная расстановка. Дальше все довольно банально; банален, конечно, не Крусанов, жизнь. Восхождение «героя» не обходится без пошлых интриг, подкупа, политических убийств, махинаций, дешевого популизма. Изнанка легенды неприглядна. Все дело в угле зрения; поминавшийся выше прозоровский «Юбилей», во-первых, короткий рассказ, во-вторых, целиком писан от первого лица. Может, и барона Унгерна в фюреры вели отнюдь не Норны, а мелкие интриганы. И, наоборот, возможно, с определенной дистанции восхождение Некитаева может смотреться вполне себе величественно; если не видеть деталей.

И вот тут возникает вопрос: можно ли обмануть кого бы то ни было, кроме тех, кто хочет быть обманутым? «Язык твой попадет в рай, а сам ты сойдешь в ад», говорит Иван Петруше, но это просто фраза. Мы не знаем ни одного златоуста, сотворившего империю по формуле Н. Гумилева: «солнце останавливали словом, словом занимали города». Идеологемы находят свое применение, как инструмент политической игры, но не самоценность. Имперская риторика непригодна в качестве инструмента подчинения масс, потому что никому еще не удавалось выразить идею империи в адекватной, для массового восприятия, форме; вполне естественно, что в реальности такого рода задачи выполняются, в большей степени, посредством обращения к ритуалам<sup>24</sup>. Что касается элит, тут Крусанов очень точен: ни один человек из окружения Некитаева не пришел в лагерь его сторонников бескорыстно, все преследуют те или иные сугубо личные цели. Слова им нужны только для маскировки. Но привычка лгать в унисон отнюдь не безобидна. Такая ложь приобретает собственную жизнь, а затем и подчиняет себе тех, кто воображал, будто держит ее в узде.

И здесь мы подходим к главному, к природе имперского морока. Чтобы понять, как сходятся воедино устремления очень разных людей, в совокупности делающие их материалом для строительства имперского голема, надо задаться вопросом о том, что, собственно, эти люди понимают под империей.

В идее империи изначально присутствуют две составляющие, действительно взаимосвязанные, но отнюдь не в логическом, а лишь в историческом, смысле. Во-первых, это концепция наднационального единства, во-вторых, парадигма автономной от подданных власти, не предполагающей делегирования полномочий снизу. Обе эти конструкции сформированы реалиями Pax Romana (для европейской ветви цивилизации, причем стоит заметить, что для Дальнего Востока аналогичную роль выполняла Поднебесная, и для разных периодов и регионов мы находим свои аналоги, большие и малые, как державы майя, инков, по-своему, даже, союз племен ирокезов). Исторический характер рассматриваемых явлений очевиден, имперская идея сохранялась в Европе именно как римское наследие, вплоть до мелких деталей, обретавших символический смысл (как госу-

<sup>24</sup> Акутютин Ю. М. Имперская культура: система ценностей, символы, ритуал. Даисс. канд. филос. наук. Томск, 2009; Честь, служение, самоотречение. Дворянские ритуалы советского общества // Русский мир Запорожья. URL: <http://rusmirzr.com/2013/01/25/category/society/9814>



ЯКОВЛЕВ Лев Сергеевич / Lev YAKOVLEV

| Имперский соблазн |

дарственная символика, титулы знати, именование государственных должностей).

При этом важно помнить, что прямой зависимости между имперской глобализацией и авторитаризмом нет. В римском мире первого века до Р. Х. такая взаимосвязь оказалась необходимой, но из этого не следует ее логическая неизбежность. В дальнейшем имперская идея становится одной из версий универсализма. Ю. Эвола вполне справедливо связывает ее формирование с противостоянием гвельфов и гибеллинов, противостоянием, реализованном в общем пространстве ценностей: в обоих случаях прокламируется единство, имеющее сакральную природу, а смысл личностного бытия выносится за пределы индивидуальной судьбы<sup>25</sup>.

Именно отсюда происходит исторический феномен, очевидность которого бросается в глаза: гибель империй сопряжена с рождением наций. При этом всякий раз, когда процессы национальной консолидации пытались, политическими средствами, совместить с эволюцией имперских пространств, результатом становилось лишь торможение этой консолидации, в соединении с коррозией имперских форм. Так было с державой Габсбургов, причем дважды, с империей Каролингов; близкие по смыслу, только спрессованные во времени, процессы, имели место и в наполеоновской державе. Британия в какой-то мере (хотя и не без последствий) избежала подобного развития событий, вовремя пойдя на признание независимости доминионов; Франция дорого заплатила за попытку части политических элит удерживать Алжир; миллионы русских оказались в составе диаспор после краха советской империи.

Собственно, противостояние империи и папства в Западной Европе обусловлено спецификой Римской апостольской церкви, претендовавшей на участие в политической жизни именно в глобальном масштабе. Отношения церкви с национальными государствами имели иную природу: она либо претендовала на верховенство над ними, либо превращалась в один из элементов национальной системы управления. Но только вселенская церковь и всемирная империя действительно почти несовместимы, поскольку пытаются занять в политическом и социокультурном пространствах одно и то же место.

Поэтому у имперской идеи двойное дно. Для пропагандистских нужд артикулируется универсальность, соборность; империя выдается за единственный инструмент, способный избавить мир от этнополитических конфликтов. Как водится, некоторые вполне искренне в это верят. Но суть в ином. Нет империи без императора — того, кто поставлен выше закона, народной воли, здравого смысла. Персонифицированной идеи власти. И прикосновение к этой идее, само по себе, соблазн. Не

всякого, конечно, сатана станет искушать царствием земным, но ведь иным довольно просто знать, что такое бывает. Потому что абсолютная власть представляется наивному сознанию стоящей над законами не только человеческими, но и божескими, способной отменить причинно-следственные связи. Наверное, если думать об этом достаточно часто, придет сладкое чувство безответственности, эйфория заемного всемогущества. «Все, что ты делаешь, похоже на молитву. На молитву, в которой ты ничего у Неба не просишь», говорит сестра-любовница Ивану в разгар войны. И в самом деле, легко жить в гармонии с собою, научившись воображать, будто за все отвечает судьба, не ты.

«С недавних пор за Некитаевым по пятам следовала радость, оставляя на земле семипалые следы, заметные сверху птицам... Давно уже без отдыха и перемирий белый свет терзала Великая война... Судьба победы, как и во все времена, по-прежнему решалась на поле боя солдатами и их генералами; ничто не изменилось, полки воевали по старинке — штыками, порохом и закланиями, — так воевали, что за семь лет устали не только люди и страны, но даже времена года и сама земля, все чаще впадавшая в дрожь, словно савраска, которая гонит со шкуры надоедливых мух». Мы вольны видеть знамения там, где их нет. Вольны верить собственной лжи. Но человеческая воля, рано или поздно, сталкивается с волей других людей — или упирается в предел возможного. Иллюзии не заменяют знания и мудрости. Псы Гекаты, призыванием которых заканчивается книга — еще одна метафора. Метафора торжества хаоса, охватывающего мир, и безумия, разъедающего душу, неизбежного, когда люди пытаются обойти законы природы и общественного устройства. Хаос, конечно, не примет потусторонних обличий, на то он и хаос. Просто гордые своим порядком незыблемой иерархии империи, на деле, готовят почву для наступления хаоса, разрушая естественные структуры связей между индивидами и группами ради утверждения тотальной иерархии.

Варлам Шаламов как-то осадил «мыслителей», затевавших рассуждения о социальном, культурном опыте «преодоления» Гулага его жертвами, простой фразой: лагерь никого ничему научить не может. Максиму такого же порядка можно вывести из книги Крусанова в отношении индивидуального и коллективного опыта переживания империи. Это интерпретации элементарных практик выживания, или навыки самообмана, лжи. Ничего больше. У книги недаром, по сути, один герой; народ здесь безмолвствует во всех смыслах. А опыт, обретаемый Иваном Некитаевым вряд ли стоит миллионов загубленных жизней.

Может показаться странным, что «Укус ангела» практически никем, среди высказавшихся публично об этой книге, не воспринимается буквально, как безусловное отторжение имперской идеи. Текстуально подобный вывод вполне очевиден. В неготовности к нему критики и читателей есть, однако, смысл. Традиционное понимание гуманизма авторской позиции предполагает, неявно, наличие у автора некоего социального (а, возможно, и культурного) идеала, в качестве источника критериев, задающих векторы оценочных суждений, и проективных конструкций. Но, с тех пор, как, более полувека назад, написано «Просвещение — это Аушвиц», неприлично делать вид, будто не понимаешь, что почти за любым общественным изменением стоит насилие. Разумеется, не меняться мир тоже

<sup>25</sup> Исаев И. А. Идея империи: миф и реальность // История государства и права, 2012, N 19; Ваплер В. Я., Гронская Н. Э., Гусев А. С., Коршунов Д. С., Макарычев А. С., Солнцев А. В. Идея империи и «мягкая сила»: мировой опыт и российские перспективы // Вопросы управления. 2010. май. Выпуск 1 (10); Балакин В. Д. Идея империи и имперская традиция в средние века // Балакин В. Д. Творцы Священной Римской империи. — М.: Молодая гвардия, 2004; Магид М. Н. Идея Империи. Контр-империя // Восток. 2005. Июнь. № 6 (30); Чурилов Е. Империя как уровень организации // Cytadel. <http://cyttadel.org/articles/imperija-kak-uroven-organizacii>; Анисимов Е. В. Исторические корни имперского мышления в России // SRC Winter Symposium Socio-Cultural Dimensions of the Changes in the Slavic-Eurasian World. <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/sympo/Proceed97/Anisimov.html>





ЯКОВЛЕВ Лев Сергеевич / Lev YAKOVLEV

| Имперский соблазн |

не может. Только ведь сказано: «невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят»<sup>26</sup>. Дело не в страхе перед ответственностью, а в моральном выборе. Кто не хочет добра — но вот хотел ты добра, а получился Аушвиц. И, если наперед знаешь, что так и получится, возможно, недеяние — единственное решение. Этика постмодерна напрямую диктует

<sup>26</sup> Евангелие от Луки. 17. 1

деконструкцию «опасных» ценностей. Порой, в результате, мы оказываемся в идейном вакууме. Но это не про «Укус ангела».

Что касается этой книги, в ней есть явная идея, кажущаяся не очевидной лишь в силу своей реальной новизны. Мало кто среди не только сторонников, но и противников имперской идеи согласится с утверждением, что империя — это хаос. Но Крусанову удалось, во всяком случае, создать художественное пространство, где это, действительно, так.

